

осам в
и, эссе
ежной

учно-
урна-
, но и
тики
ах его
цизам,
ости.

их ак-
лага-
совой
став ее

онала
и по-
кций
емам
еали-
ссий-
наци-

рошо,
видит
зреле-
бежа,
чных
ается

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ

Правовой статус личности как идеал: конституционный замысел и его воплощение

Исаев Владимир Борисович,

заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Статья посвящена исследованию проблем правового статуса личности. В основе статьи стоит вопрос о современном состоянии прав и свобод в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовой статус личности; конституционное право; исторические этапы развития конституционного законодательства.

The article investigates the problem of the legal status personality. The basis of article is the question of the present state of human rights and freedoms in the Russian Federation.

Keywords: legal status of an individual; constitutional law; historical stages of development of constitutional legislation.

Раздел о свободах, правах и обязанностях в конституции любого государства выполняет ряд важных функций: фиксирует права и свободы, является основой для развития текущего законодательства, выполняет воспитательную и идеологическую функции и ряд других. В этом разделе конституции, являющимся результатом совместной деятельности политиков, общественных деятелей, ученых, неизбежно отражается конституционный идеал своего времени – идеал свободной личности¹. Посмотрим с этой точки зрения на советские конституции 1936 и 1977 годов. Каковы особенности отраженного в них конституционного идеала?

Бесспорно, в упомянутых конституциях мы найдем немало позитивных для своего времени моментов. В их числе подчеркнуты высокий социальный статус человека труда, закрепление широкого круга социальных прав, идея о

¹ См.: Межеев В.М. О нашей Конституции. В сб.: Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. – М., 2010. С. 71.

том, что права должны не только провозглашаться и закрепляться законодательно, но и гарантироваться (я оставляю в стороне вопрос, насколько реальными были гарантии, провозглашенные в этих конституциях); наконец, это последовательно проведенная через текст советских конституций идея единства прав и обязанностей.

Таков, если коротко сказать, «позитив». Но с позиции сегодняшнего дня отчетливо видны и негативные стороны тогдашнего «конституционного идеала», его слабости и уязвимые стороны. Назову лишь основные, наиболее очевидные.

Это предельная «идеологизированность» Конституции – неразрывная связь правовых положений с марксистско-ленинской идеологией в ее огрубленном и примитивизированном советском варианте.

Это положение о том, что права и свободы предоставляются гражданам «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя», а фактически, как оказалось на деле, для обеспечения и защиты интересов правящей партийно-советской бюрократии.

Это положение о том, что «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза» – юридическое закрепление монопольного положения коммунистической партии в политической системе, а фактически – попытка консервирования «на веки вечные» сложившейся к 1977 году политической системы.

Это примитивно социологическая трактовка ряда базовых понятий и терминов Конституции (прежде всего категории «трудящиеся», которыми, например, не считали частных предпринимателей).

Это формально предоставляемые Конституцией права и свободы (свободы слова, печати, митингов, шествий и демонстраций), которые, вопреки торжественным обещаниям, были отнюдь не гарантированы, напротив, было сделано все, чтобы советские граждане этими правами и свободами не пользовались.

Это предельное «огосударствление» механизма реализации социально-экономических прав, который был полностью завязан на государственные структуры и институты: можно сказать, что государство сопровождало гражданина от первого крика до последнего вздоха.

Наконец, это отсутствие эффективного механизма защиты прав и свобод: принципа непосредственного действия Конституции, института Конституционного Суда; блокирование международных институтов защиты прав и свобод.

Таким образом, можно констатировать, что между идеалом свободной личности, провозглашенным идеологами советского строя и отраженным в текстах советских конституций, и реализацией этих идеалов в политико-правовой практике существовало глубокое многогранное противоречие, которое в совокупности с другими обстоятельствами и послужило одной из причин краха советского строя и советских конституций.

Поставим следующий вопрос: каковы основные черты нового конституционного идеала свободной личности, который нашел отражение в действующей Конституции России 1993 года и что случилось с этим идеалом на практике?

Конституционный процесс развивается по своей исторической логике, которая в данном случае особенно прихотлива. В этой связи необходимо отметить, что образ нового конституционного идеала начал формироваться еще на предшествующем этапе конституционного развития и нашел отражение в последних изменениях и дополнениях Конституций СССР и РСФСР¹. Напомним некоторые факты на этот счет.

23 декабря 1989 года – создается Комитет конституционного надзора СССР из числа специалистов в области политики и права в составе председателя, заместителя председателя и 25 членов, в том числе по одному от каждой союзной республики (первым и единственным председателем этого комитета был избран выдающийся юрист современности, член-корреспондент РАН, профессор С.С. Алексеев).

12 июня 1990 года – принята Декларация о государственном суверенитете, в которой провозглашены демократическое правовое государство, закреплен принцип разделения властей.

16 июня 1990 года – из Конституции РСФСР устраняется статья о руководящей роли КПСС, конституционно закрепляются многопартийность и законность как принципы деятельности всех политических партий и общественных движений.

11 декабря 1990 года – принято постановление Съезда народных депутатов РСФСР «О жертвах политических репрессий в РСФСР»: признан сам факт репрессий по политическим и идеологическим причинам, репрессии осуждены, Верховному Совету РСФСР и Совету Министров РСФСР даны поручения разработать нормативные акты о реабилитации репрессированных народов и граждан.

15 декабря 1990 года – принят Закон РСФСР об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР, который провозгласил РСФСР демократическим правовым государством, произвел деполитизацию и департизацию раздела Конституции о правах и свободах (было исключено положение о том, что права и свободы даются «в целях укрепления и развития социалистического строя»), закрепил разнообразие и равную защиту всех форм собственности; провозгласил, хотя и с ограничительными оговорками, право собственности на землю; конституционно установил право граждан распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду (тем самым была создана конституционная основа для развития в стране частного предпринимательства); учрежден институт Конституционного Суда.

12 июля 1991 года – Съезд народных депутатов РСФСР утвердил Закон о Конституционном Суде РСФСР. Конституционный Суд был наделен широкими полномочиями – более широкими, чем те, которыми он располагает сегодня по Конституции 1993 года.

---

¹ См.: Авакян С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 43–54.

1 ноября 1991 года – Съезд народных депутатов РСФСР (вторая часть съезда, которая проходила в ноябре) завершил деполитизацию и деидеологизацию Конституции РСФСР, заменил символы государственной власти, установил, что депутаты Верховного Совета РСФСР действуют на постоянной профессиональной основе, учредил институт главы исполнительной власти (президента) республики в составе РСФСР и суд присяжных.

21 апреля 1992 года – в Конституцию РСФСР внесен пакет поправок, вытекающих из факта распада СССР и существования России в качестве самостоятельного государства, одновременно был конституционно закреплен принцип разделения властей (причем в более последовательном виде, чем в ныне действующей Конституции); модернизирован и приведен в соответствие с международными обязательствами Российской Федерации раздел Конституции о правах и свободах человека и гражданина; военные трибуналы заменены на военные суды.

Другими словами, еще до принятия новой Конституции России 1993 года новый формирующийся конституционный идеал свободной личности прошел определенный путь развития в текстах прежних советских конституций.

Кратко отметим и некоторые другие достоинства и преимущества конституционного идеала, отраженного в действующей Конституции Российской Федерации. Это закрепление приоритета прав и свобод человека и гражданина, деидеологизация института прав и свобод, непосредственное действие Конституции России, в том числе раздела о правах и свободах, закрепление института Конституционного Суда, учреждение института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и т.д. Разумеется, по реальному функционированию каждого из перечисленных институтов есть немало вопросов и замечаний. Но при всем этом каждый из них – несомненный шаг вперед, ступенька в формировании нового конституционного идеала.

Вместе с тем нельзя пройти мимо того факта, что в Конституцию России 1993 года оказалось внесено немало положений, противоречащих логике нового конституционного идеала, свидетельствующих о том, что в ее содержание в силу разных причин проникли иностранные элементы. К числу таких элементов я отношу, в частности, следующие:

деформированность системы разделения властей, при которой Президент России выведен за рамки системы разделения властей;

воспроизведение полностью дискредитировавшей себя советской конструкции «двоевластия» внутри исполнительной власти: одна властная структура, президент, принимает решения, но дистанцируется от их реализации, другая, правительство, формально несет всю полноту ответственности за итоги социально-экономической политики, но не может принимать политических решений;

«зацикленность» Конституции на проблеме разграничения полномочий при полном игнорировании принципов сотрудничества и ответственности властей;

отсутствие конституционного регулирования бюджетного процесса и избирательных процедур (в частности, неопределенность порядка формирования Совета Федерации, который менялся уже несколько раз);

узость и неразвитость положений Конституции об обязанностях граждан;

издевательские, по-другому не скажешь, положения о роспуске Государственной Думы;

противоречащее статье 15 Конституции положение о невыдаче граждан России другому государству, препятствующее осуществлению правосудия (статья 61);

абсурдная для любого суверенного государства идея двойного гражданства (статья 62);

Одним словом, на содержании конституционного идеала в полной мере отразились, да и не могли не отразиться, кризисные условия и обстоятельства, в которых рождалась новая Конституция России.

Немало проблем и в том, как реально воплощается в жизнь новый конституционный идеал, закрепленный в Конституции 1993 года. Возьмем, например, статью 53 Конституции: «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Сопоставим это положение с позицией российских судов по делу майора Евсюкова, начальника одного из московских РОВД, который в пьяном виде открыл стрельбу в супермаркете, убил двух и ранил семь человек. Решая вопрос о компенсации вреда потерпевшим, суды посчитали преступление майора Евсюкова действиями частного лица, поскольку Евсюков, хотя и был в форменной одежде, появился в супермаркете в нерабочее время, стрелял не из табельного оружия, но, как выяснилось, вверенными ему по службе патронами.

Подобное понимание судами конституционного права граждан на возмещение вреда трудно оценить иначе, чем издевательство. Группа пострадавших, не добившись компенсации от государства, обратилась в Европейский суд по правам человека¹. Стоит ли удивляться тому, что Европейский суд по правам человека, принимая решение, в очередной раз предложит Российской Федерации прочитать свою собственную Конституцию?

К сожалению, практически к каждой статье главы Конституции России о правах и свободах человека и гражданина могут быть высказаны более или менее существенные претензии, связанные с их реализацией². Провозгласить новый конституционный идеал свободной личности и торжественно закрепить его в тексте Конституции России оказалось значительно проще, чем реализовать этот идеал в социально-экономической и политико-правовой практике.

Сделаем еще один шаг в наших рассуждениях: попытаемся поразмышлять над тем, в каких направлениях может быть развит конституционный идеал свободного человека и гражданина? Как мог бы выглядеть этот идеал в современных условиях?

---

¹ См.: Жертве Евсюкова отказали в компенсации // <http://lenta.ru/news/2011/12/07/dudal>.

² См. ежегодные доклады и специальные доклады на официальном сайте уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: <http://ombudsmanrf.org/doklady>.

Полагаю, во-первых, что должны быть последовательно и системно исправлены очевидные деформации в механизме разделения властей и закреплении прав и свобод человека и гражданина, отмеченные выше (а также ряд других, не затронутых автором в настоящей статье). В будущей Конституции России не должно быть перекосов в закреплении конституционного идеала, вызывающих недоумение и критику как внутри страны, так и на международной арене.

Во-вторых, внимание исследователей, ученых, политиков должен привлечь механизм реализации положений Конституции. Если абсолютно правильные, замечательные, гуманные и демократические положения Конституции России извращаются в текущем законодательстве и подзаконных правовых актах, не применяются на практике судами, то очевидно, что проблема не только в совершенстве юридических формулировок Конституции. Необходимо оторваться от текста Конституции, расширить поле зрения и понять, почему замечательные положения Конституции не раскрываются, а наоборот, получают отпор в текущей государственно-правовой практике? В каком звене (или в каких звеньях) происходит «разрыв связи»? Почему? И существуют ли способы преодоления или хотя бы сокращения этого разрыва?

Наконец, в-третьих, конституционный идеал свободного человека и гражданина на современном этапе должен быть дополнен рядом новых положений, продиктованных практикой государственного и правового развития. Таких положений достаточно много. Я остановлюсь лишь на некоторых, как представляется, наиболее актуальных.

С учетом критической ситуации в сфере борьбы с преступностью полагал бы полезным возродить институт «поражения в правах» — пожизненное лишение права занимать государственные и общественные должности и заниматься определенными видами деятельности для лиц, осужденных за коррупционные и иные подобного рода преступления. Речь идет, разумеется, не о лишении граждан имущественных или политических прав. Речь идет о том, что лица, злоупотребившие доверием общества (например, принявшие участие в фальсификации выборов), должны лишаться этого доверия навсегда.

Полагал бы необходимым отменить сроки давности привлечения к ответственности за определенные виды преступлений (коррупционные, террористические). Иначе получается абсурд: сегодня можно украсть у государства миллиарды, пересидеть за границей несколько лет, а затем вновь появиться в стране в ореоле «жертвы режима», да еще с немалыми, вполне легальными инвестиционными возможностями.

Стоит подумать над тем, чтобы временно отменить презумпцию невиновности для некоторых категорий должностных лиц (чиновников, начиная с определенного уровня), судей, прокуроров, следователей. В России достаточно типичная ситуация выглядит следующим образом: чиновник (а также судья, прокурор, следователь) открыто пользуется имущественным комплексом неизвестного происхождения, юридически оформленным на родственников и членов семьи. Правоохранительные органы не могут или не хотят предъявлять

к ним претензий. Лица, которые могли бы пролить свет на происхождение свалившегося с неба благосостояния, запуганы или «зачищены». Получается в точности в соответствии с поговоркой «не пойман – не вор»: пользуясь имуществом дальше как своим.

В новейшем российском законодательстве сделана попытка установления контроля не только за доходами, но и за расходами должностных лиц. Так, статья 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» устанавливает: «Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры при получении материалов, предусмотренных частью 3 статьи 16 настоящего Федерального закона, в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, если не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы»¹.

Обращает на себя внимание осторожность и половинчатость формулировок закона: «обращаются в суд с заявлением». А есть ли у суда обязанность удовлетворить подобное заявление?

На наш взгляд, попытка пресекать коррупционную деятельность на этапе заключения лицами крупномасштабных дорогостоящих сделок малоэффективна и в конечном итоге натолкнется на ту же статью 49 Конституции Российской Федерации, закрепляющую презумпцию невиновности. Российское государство пытается создать тяжеловесные, явно неработоспособные механизмы борьбы с коррупцией, вместо того чтобы применить средство, которое уже использовали страны, объявлявшие реальную, а не фиктивную войну коррупции.

Должна быть отменена противоправная, беспрецедентная для цивилизованного общества статья 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий и членам его семьи», согласно которой Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, не может быть привлечен к уголовной ответственности за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий. Можно ли назвать правовым государство, в котором законодательство содержит подобные положения? Данную статью Федерального закона вполне можно назвать «бессрочной лицензией» на совершение преступлений. На наш взгляд, необходимо на конституционном уровне закрепить прямо противоположную норму: президент, прекративший исполнение полномочий, не может пользоваться правом неприкосновенности.

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.

Полагал бы необходимым для Российской Федерации ратифицировать Римский статут (подписан Российской Федерацией еще в 2000 году), тем самым в полном объеме юрисдикцию Международного уголовного суда в Гааге. С целью повышения ответственности высших должностных лиц за совершение явно незаконных, уголовно наказуемых деяний считал бы целесообразным расширить компетенцию Международного уголовного суда, распространив ее на Президента Российской Федерации, Председателя Правительства и его заместителей, членов Правительства Российской Федерации, включая министров и руководителей самостоятельных ведомств, а также субъектов Российской Федерации с момента прекращения исполнения ими должностных полномочий. Полагал бы, что не только Россия, но и другие государства должны пойти по этому пути.

В условиях очевидного кадрового застоя и утраты динамизма в политической жизни необходимо сделать конституционный принцип для занятия руководящей должности «два срока – не более» универсальным и беспрекословным. Данная статья Конституции должна быть объявлена неприкосновенной и особо защищенной. Не стоит удивляться моей наивности: автор хорошо понимает, что в политике нет ничего святого и неприкосновенного, тем более в России. Жизнь показывает, что всегда найдутся увенчанные высокими званиями «специалисты» и «эксперты», которые оправдают и обелят любое беззаконие, любой произвол. Вместе с тем полагаю, что попытка изменить «неприкосновенную» статью Конституции все же будет создавать инициаторам такого поступка немалые политические и моральные проблемы.

Необходимо закрепить в Конституции норму (и одновременно принять федеральный закон, конкретизирующий ее содержание), запрещающую совместную работу и службу родственников, причем не только в государственных, но и в частных структурах. Это необходимая мера против семейственности, клановости и протекционизма. Проблема, которая была ощущима еще в советский период, выросла сегодня до размеров настоящего бедствия: родственниками забыты руководящие органы корпораций, посты в наблюдательных советах, директоратах, исполнительных органах. Совместная работа и служба родственников может быть разрешена лишь там, где это морально оправдано и экономически целесообразно: в фермерских хозяйствах, на микропредприятиях, в индивидуальном частном предпринимательстве.

В рамках продолжающейся реформы правосудия необходимо учредить «кадровые суды» – дать возможность обжалования и отмены в судебном порядке кадровых решений, нарушающих законодательство и принципы кадровой политики (протекционизм, покровительство, пересаживание дискредитированного себя чиновника в новое кресло, увольнение чиновника с целью «освободить место»). Необходимо заложить конституционные основы для защиты государственных служащих, которые сегодня поставлены едва ли не в рабскую зависимость от вышестоящего начальника.

На новом этапе развития Конституции России следует существенно расширить механизмы, обеспечивающие социальную активность и реализацию политических инициатив граждан и организаций. Общественные орга-

низации должны стать активными участниками законодательного процесса. Полагаю, например, что право законодательной инициативы должны получить научно-технические и образовательные организации, такие, например, как Совет ректоров России. В состав этих организаций входят структуры, способные разработать крупный законопроект, подготовить пакет поправок, дать многоплановую экспертную оценку законодательной инициативы, представить научно обоснованный прогноз. Необходимо максимально подключить в государственное управление этот интеллектуальный потенциал.

Необходимо ввести институт коллективной гражданской инициативы, петиционный порядок инициации или блокирования (прекращения разработки и реализации) государственных решений, поддержать практику интернет-референдумов и интернет-плебисцитов на общегосударственном, региональном и местном уровнях, а также гражданскую экспертизу правовых инициатив по Интернету.

Конституционный идеал свободного человека сегодня как никогда испытывает влияние научно-технического прогресса¹. Полагаю, что на современном этапе в Конституции России должен быть отражен пакет свобод, прав и обязанностей человека и гражданина, связанных с формированием в России информационного общества: свобода Интернета, право граждан на мобильную связь и Интернет, а также находящуюся с ними в едином пакете обязанность каждого идентифицироваться в сетях общего пользования. Новая статья Конституции, посвященная свободе Интернета и иных сетей общего пользования, на наш взгляд, могла бы выглядеть примерно следующим образом:

«Статья... Свобода Интернета и иных сетей общего пользования

Каждому гражданину гарантируется свободный доступ в сети общего пользования, включая всемирную сеть Интернет, свободное распространение информации в указанных сетях и свободное пользование законно размещенными в указанных сетях информационными ресурсами и сервисами.

Правила пользования частными, коммерческими, специальными и иными компьютерными сетями определяются владельцами этих сетей в соответствии с международными нормами и действующим национальным законодательством.

Интернет и иные сети общего пользования свободны. Ограничения свободы доступа в Интернет и в иные сети общего пользования, а также беспрепятственного распространения информации в указанных сетях и свободного пользования законно размещенными в указанных сетях информационными ресурсами и сервисами могут быть установлены исключительно международным соглашением и (или) федеральным законом. Неправомерные ограничения свободы доступа в Интернет наказываются по закону».

Однако очевидно, что любая новая свобода порождает и новые обязанности. Свобода Интернета неразрывно связана с обязанностью каждого участ-

---

¹ См.: Лекторский В.А. Право не может противоречить идеалу справедливости. В сб.: Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. – М., 2010. С. 92–93.

ника информационного обмена идентифицироваться – предъявлять другим участникам необходимый объем персональных данных, по которым однозначно устанавливается личность участника. На сегодняшний день достаточным реквизитом для сетевой идентификации личности представляется ее идентификационный номер – персональное цифровое имя участника. В необходимых случаях, например при заключении крупной сделки, идентификационный номер участника может быть дополнен его цифровой подписью¹.

Вокруг проблемы идентификационного номера сегодня развернуты многочисленные спекуляции, в которые, к сожалению, оказались вовлечены патриотические и церковные организации. Основной аргумент противников идентификационного номера заключается в том, что данное нововведение повлечет за собой тотальный контроль личности, увеличит опасность вторжения в частную жизнь граждан. Я не считаю данные опасения надуманными. Действительно, наличие цифрового имени не только облегчит коммуникации в Интернете, доступ к ресурсам, заключение сделок и т.д., но и создаст предпосылки для тотального контроля за общественной и личной жизнью граждан. Технические возможности для этого созданы уже сегодня. Вместе с тем очевидно, что блага технического прогресса и угрозы, которые он несет, неразрывно связаны между собой. Ситуация чем-то напоминает конец XIX – начало XX века, когда в российском обществе было немало противников распространения электричества. Бессспорно, что электрификация повлекла дополнительные затраты, какое-то количество людей погибло от ударов электрическим током, а столбы и провода испортили патриархальный российский пейзаж. Но где бы была бы сегодня Россия, если бы противники распространения электричества тогда победили?

Именно анонимность участников информационного обмена стала камнем преткновения для развития Интернета как образовательного и культурного пространства, сферы бизнеса и торговли, эффективного инструмента государственного управления, сделала Интернет «всемирной информационной помойкой» и «правонарушающим пространством». Обсуждаются различные варианты решения проблемы². Время покажет, какой из вариантов окажется перспективным и будет принят мировым сообществом, но в любом случае обязанность идентификации в сетях общего пользования должна быть поддержана законодательно, причем все более очевидно, что это обязанность конституционного уровня, один из новых нарождающихся на наших глазах элементов правового статуса человека и гражданина.

Еще раз подчеркнем, что высказанные в настоящей статье предложения не претендуют на бесспорность. Их задача – начать разговор о новом конституционном идеале прав и свобод человека и гражданина.

¹ См.: Ландэ Д.В., Фурашев В.Н. О цифровой идентификации личности // Открытые информационные и компьютерные интегрированные технологии. – Харьков, 2007. Вып. 34. С. 127–135.

² См.: Кобзева С.В. Обеспечение безопасного доступа в Интернет: обзор мирового опыта // Информационное право. 2008. № 4. С. 34–41.